

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

Великая депрессия и
Новый курс: уроки для
современности

Препринт М-56/17

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2017

УДК 334.021:35
ББК 66.2(0)6; 66.3
У 74

У 74 Усанов П.

Великая депрессия и Новый курс: уроки для современности
/ Павел Усанов: Препринт М-56/17. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 44 с. — (Серия препринтов; М-56/17; Центр исследований модернизации).

Период с 1929 по 1941 год, включающий Великую депрессию и Новый курс, — один из важнейших в американской истории. Современные экономисты, политологи и историки ссылаются на Великую депрессию как на хрестоматийный пример того, к чему приводит политика *Laissez Faire*. Напротив, Новый курс принято рассматривать как пример успешного регулирования экономики. После смерти Ф. Рузвельта его образ подвергся глорификации и до последнего времени были малоизвестны факты, создающие совершенно иной образ Нового курса.

В данной работе исследованы причины Великой депрессии и показано, что причина кризиса была не в свободных рынках, а в деятельности государства. Программы Нового курса, регулирующие промышленность, сельское хозяйство, рынок труда и финансовые рынки, начатые еще Г. Гувером, продлили Великую депрессию.

Главный урок для современности состоит в том, что попытки «делать, как Рузвельт» могут привести лишь к отрицательным последствиям для развития экономики.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент факультета сравнительных политических исследований РАНХиГС, ведущий научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета; usanovpv@mail.ru.

Старые мифы не умирают; они воспроизводятся в учебниках по экономике и политологии.

Лоуренс Рид. «Великие мифы о Великой депрессии»
[Reed 2008, p. 1]

Старые «классические» теории того времени [1920–1930-х], которые фактически утверждали, что свободные рынки обеспечат здоровую экономику и полную занятость, не смогли предложить решение этой проблемы [Великой депрессии]. Новая версия анализа экономики — та, которая действительно предложила решение проблемы массовой безработицы, — была выдвинута экономистом по имени Джон Мейнард Кейнс. Кейнс отстаивал активное вмешательство государства, в частности, через использование фискальной политики.

Джон Сломан. «Экономикс»
[Сломан 2005, с. 478]

Политика Laissez Faire... историческим своим итогом имела лишь одно — нестабильность и безработицу, достигших своего наибольшего апогея в годы Великой депрессии.

Эндрю Хейвуд. «Политология»
[Хейвуд 2005, с. 232]

В 1939 году вышла в свет книга, считающаяся с тех пор классической. Автора звали Джон Стейнбек, а книга называлась «Гроздь гнева», посвящена она была ужасам повседневной жизни фермеров США в период Великой депрессии. Над этой книгой проплакал не один читатель, в том числе и супруга 32-го президента США Элеонора Рузвельт. В романе все заканчивается очень плохо, герои так и не находят работу, умирает ребенок, правительственный лагерь Уидпетч, хотя и крайне привлекателен, не дает им работу (слишком много желающих) и требует деньги, герои романа вынуждены его покинуть, но найдут лишь насилие, обман и смерть.

Мрачная картина. Однако Элеонора Рузвельт нашла решение. Нужно экранизовать роман и поменять финал! И действительно, кинолента, вышедшая в 1940 году, неожиданно заканчивается... хеппи-эндом. В фильме поменяли концовку: правительственный лагерь оказывается спасением для героев, их приютил директор Уидпетча, удивительно похожий на Рузвельта.

Таким образом, решение нашлось в виде художественной мистификации. Нужно поменять местами факты, и выйдет хороший рассказ. Так поступил Рузвельт и со своим экономическим наследием — Новым курсом. Историки, политологи и экономисты сделали то, что ему было нужно: создали образ спасителя нации и эффективного менеджера. С тех пор миф о Рузвельте как о спасителе Америки живет собственной жизнью.

Наследие Рузвельта

Образ Ф. Рузвельта имеет огромное значение для экономической истории США, в том числе значение символическое. Период с 1929 по 1941 год, включающий Великую депрессию и Новый курс, несомненно, один из важнейших в американской истории. Для экономистов, историков и политологов важно не столько то, что конкретно сделал Рузвельт, сколько то, что его Новый курс рассматривается в большинстве случаев как *Ultimate Argument* в пользу государственного регулирования экономики. Современные экономисты и историки ссылаются на Великую депрессию как на хрестоматийный пример того, к чему приводит политика *Laissez Faire*. Напротив, Новый курс принято рассматривать как пример успешного регулирования экономики.

Однако такая оценка не является единственно возможной. Начиная с работы Джона Флинна «Рузвельтовский миф» [Flynn 1948], образ Рузвельта подвергается ревизии. Накоплено достаточно фактологического материала, чтобы опрокинуть образ Рузвельта как «спасителя Америки».

В этой работе Великая депрессия рассматривается как следствие деятельности государства, а Новый курс Рузвельта — как политика, продлившая Великую депрессию.

Всю работу можно разделить на три части.

В первой части описаны образ Ф. Рузвельта и взгляды историков на «Переломный момент» (Великая депрессия и Новый курс). Описаны путь Ф. Рузвельта к власти и основные вехи его биографии.

Во второй части описан период, предшествующий Великой депрессии, начиная с кризиса 1920–1921 годов, рассмотрены причины, вызвавшие Ве-

ликую депрессию: кредитная экспансия 1921–1929 годов, а также изменение идеологического климата в США в период прогрессизма, которое сделало возможным расширение масштабов деятельности государства до немыслимых для США масштабов. Разобраны основные действия администраций Гувера и Рузвельта, показано, что политика Гувера содержала все элементы Нового курса, поэтому противопоставление двух президентов и их политики является некорректным. В 1929–1932 годах Гувер проводил политику регулирования заработной платы, цен, общественных работ и легких денег, которые обычно считают новацией Рузвельта. По сути, Новый курс Рузвельта не был новым, а был итогом идеологических изменений в обществе. В этой части описаны основные действия Рузвельта по регулированию экономики: создание NRA (Администрация национального восстановления), WPA (Управление общественных работ) и AAA¹ (Администрация регулирования сельского хозяйства) и других «алфавитных агентств», а также влияние этих мер на американскую экономику.

В третьей части исследуется вопрос о том, когда завершилась Великая депрессия и что стало причиной экономического роста после нее. Критически рассматривается распространенное убеждение, что Вторая мировая война способствовала выходу США из кризиса.

В заключение сформулированы уроки для современности: чему нас учит опыт Великой депрессии и Нового курса.

Who is Mr. Roosevelt?

Тридцать второй президент США занимает особую роль в истории страны. Единственный президент, избранный на четыре срока подряд; президент, чьи рейтинги доходили до 98% среди выборщиков (523 в коллегии выборщиков «за» и 8 «против» в 1936 году) [Фолсом 2012, с. 23]; президент, пребывавший в Белом доме 4422 дня (ближайшие конкуренты — 2922 дня); президент, продвигавший «третий путь» для Америки как путь между социализмом и либерализмом; президент, после которого США никогда в полной мере не вернутся к принципам индивидуализма, которые были основой благоденствия США в XIX веке.

Большинство историков относят Ф. Рузвельта к «великим президентам», некоторые считают его «величайшим президентом» США. Их образ Рузвельта таков: до прихода к власти демократа Рузвельта страной прави-

¹ Список всех «алфавитных» программ Нового курса приведен в Приложении.

ли олигархи и республиканцы, потворствующие безответственности бизнеса. 1920-е были периодом неограниченной экономической свободы и ничем не ограниченной власти спекулянтов и монополий. Именно капитализм оказался причиной биржевого краха 1929 года и последующего экономического спада. Великая депрессия была кризисом перепроизводства, а республиканская администрация Гувера, воспитанная на идеях *Laissez Faire*, бездействовала. Народ выбрал Новый курс Рузвельта, подразумевающий активную роль государства в экономике, что позволило Америке выйти из кризиса и стать самой крупной экономикой мира [Гэлбрейт 2009, Стедмен-Джоунз 2017]. Следует отметить, что такой образ создал сам Рузвельт: влияние рузвельтовского курса и его сторонников на исторические исследования, относящиеся к Великой депрессии, — доказанный факт² [Знаменский 2015, с. 20; Westbrook 2015, р. 1–13; Robinson 1955, р. 413; Фолсом 2012, с. 19–27]. Этот образ активно эксплуатируется и сегодня как в США, так и в других странах. Например, президент Б. Обама не раз рассматривал свою экономическую программу как «Новый Новый курс»³. В России президент В. Путин считает политику Рузвельта образцовой, жалея лишь о том, что не он ее проводил.

Вот что говорил В. Путин в обращении Федеральному Собранию 10 мая 2006 года:

«Хорошие слова, жаль только, что не я их придумал — Франклин Делано Рузвельт, Президент Соединенных Штатов Америки в 1934 году: “Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступим кое-кому на «больные мозоли» и будем наступать на них впредь. Но это «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может

² Генри Стила Коммаджер [Commager 1968], сделавший блестящую карьеру в Колумбийском университете, с самого первого дня пропагандировал Новый курс Рузвельта. Уильям Лехтенберг писал под руководством Коммаджера диссертацию, после чего воспитал целую армию учеников. Свою книгу он посвящает 89 ученикам, которые стали учеными, пишущими о Новом курсе. К этой волне присоединился Артур Шлезингер-мл. [Шлезингер 1992]. В дальнейшем все историки основывались на работах этих авторов. Результат: в 1996 году из 32 экспертов по исследуемому периоду 31 назвали Рузвельта великим президентом, один же счел его почти великим.

³ Б. Обама говорил в период ипотечного кризиса в США: «Я могу привести примеры, в каких случаях мы можем выйти из тупика: мы можем обновить и перестроить тот договор, которым в свое время скрепил общество Франклин Делано Рузвельт» [Мальков 2009, с. 50].

быть, того и другого вместе, коротким путем — за счет общего блага» [Путин 2015, с. 497].

А в прямой линии 18 октября 2007 года, отвечая на критику своей системы, В. Путин заявил:

«Ведь там [во время Великой депрессии] многое делалось в ручном режиме. И там тоже Рузвельт изложил целый план развития страны на среднесрочную перспективу. И там тоже некоторые элиты были несогласные со всем, что тогда предлагалось президентом. Но в конечном итоге оказалось, что реализация этого плана пошла на пользу всем гражданам страны... Поэтому мы здесь чего-то уникального не делаем» [Путин 2015, с. 498].

В современной России, если люди что-то знают о Рузвельте, то только положительное.

Иной образ создавали марксистские историки. Они полностью соглашались с тем, что Великая депрессия была вызвана неограниченной властью капитала (здесь Маркс и Кейнс протягивают друг другу руки). Однако Новый курс при этом оценивается негативно как попытка сымитировать социализм, как попытка примирить капитал и труд, которые всегда находятся в антагонизме. Рузвельт рассматривается как демагог, который лишь обещает пролетариату рост благосостояния, а на самом деле служит интересам крупного бизнеса. Рузвельта рассматривают как коррумпированного политика, который не хотел признать необходимость отказа от капитализма. Тем не менее марксисты рассматривают Рузвельта и его сторонников как попутчиков, которые также расшатывают основы капиталистического способа производства. Такой образ относительно малопопулярен в США, его отстаивают американские социалисты и прогрессисты (Beard 1948)⁴, зато он был крайне популярен в СССР во многом благодаря И. Сталину, который симпатизировал Новому курсу Рузвельта⁵. В известном отношении этот образ сохраняется в современной России,

⁴ Чарльз Бёрд (1874–1948) — известный американский историк прогрессивного направления, сторонник материалистического понимания истории, оказавший огромное влияние на интеллектуальную атмосферу в 1920–1930-е годы в США. Часто его относят к марксистам, хотя он сам не считал себя таковым. Бёрд был сторонником пятилетних планов, которые должны разрабатывать отраслевые картели [Ротбард 2012, с. 395, 480]. Денис Мюллер, автор известного учебника «Теория общественного выбора», высоко оценивает труды Бёрда.

⁵ Б. Муссолини также считал, что Рузвельт — «это наш человек».

так как американисты в России продолжают традицию, заложенную в советский период [Баталов 2014; Согрин 2015], хотя они все больше склоняются к версии «Великого президента». В своей книге о Рузвельте С. Далин в 1936 году приводит множество фактов, говорящих о провале Нового курса, но марксистская идеология заставляет его оценивать Новый курс как прогрессивное движение [Далин 1936].

Наконец, наименее известный образ Рузвельта, но набирающий популярность в последние годы, это образ, сформированный историками-либертарианцами. Они чаще всего относят себя к ревизионистам: П. Джонсон, М. Ротбард, Дж. Голдберг, Б. Фолсом, Л. Рид, Р. Хиггс, М. Скоузен [Джонсон 1995; Ротбард 2012; Голдберг 2012; Фолсом 2012; Reed 2008; Хиггс 2010; Знаменский 2015, с. 19; Skousen 1994]. Эти историки рассматривают Великую депрессию не как результат политики *Laissez Faire*, а как следствие ее противоположности — этатизма, проводившегося в 1920-е годы. Так, за этот период денежная масса благодаря Федеральной резервной системе (ФРС) была увеличена на 62%, что породило ошибочные инвестиции и, в частности, сформировало пузырь на фондовом рынке. Об этой опасности говорил Ф. фон Хайек еще в 1927 году. Он предложил не ждать наступления большого кризиса, а поднять процент уже в 1927-м. Это не было сделано, и, как следствие, пузырь надувался еще два года и лопнул, принеся гораздо большие потери. Если бы не политика регулирования цен и заработной платы Гувера, то восстановление началось бы очень быстро, но регулирование экономики лишь усиливалось. Особенно активно мешал восстановлению структуры капитала Новый курс Рузвельта, продливший Великую депрессию до Второй мировой войны. Безработица в 1938 году достигла 18%, что было больше, чем в 1929-м, и больше, чем в среднем по миру в том же году. Однако и Вторая мировая война не стала причиной выхода из депрессии. Статистика во время войны неверно отражает богатство, так как цены подвергаются регулированию. Кроме того, рост занятости, который был вызван войной, не есть источник роста экономики, так как безработные, как и призванные на военную службу, не создают предметы потребления и капитальные блага, а их уничтожают. Действительный рост начался после смерти Рузвельта в 1945 году и отмены его программ, снижения налогов и дерегулирования экономики.

Этот образ Рузвельта на данный момент наименее известен, однако критическое отношение к «распорядителям чужого»⁶ [Романчук 2013] во

⁶ Так Я. Романчук в своей работе называет чиновников.

всем мире неизбежно будет усиливать интерес к критике Нового курса Рузвельта и к ревизии его результатов⁷.

Следует отметить, что среди защитников Нового курса встречаются и те, кто признает ошибки Рузвельта и «перегибы на местах», считая, что любая альтернатива была бы в тех условиях лишь хуже. Ведь мир в 1933 году выбирал не между либерализмом и этагизмом, а между различными видами этагизма: советским, немецким, итальянским. Не было партии или движения, которые бы отстаивали принципы индивидуализма и капитализма. Это правда, но из этого не следует, что, скажем, NRA благоприятно повлияла на американскую экономику и что Новый курс вывел Америку из депрессии. Это лишь означает, что выбор 1933 года был предопределен теми процессами, которые происходили раньше и которые отсекали либерализм как альтернативу. По сути, эти процессы происходили благодаря интеллектуалам конца XIX — начала XX века, убедившим публику, что капитализм себя изжил и выбирать нужно из различных видов этагизма и социализма.

У Г. Хоппе есть теория происхождения государства [Норре 2001], которая отличается от хорошо известной теории М. Олсона [Олсон 1995]. Хоппе убежден, что государство возникает не из насилия (во всяком случае, первоначально), а из объективной потребности людей в естественных элитах, которые могли бы разрешать сложные конфликты между людьми. Людям нужны правосудие и судья, которому бы доверяли решение спорных вопросов, такой человек должен быть авторитетом для всех по причине своих личных качеств. Естественные элиты обладают монополией на применение насилия и разрешение споров. Но такое особое положение делает их заинтересованными в том, чтобы быть не только судьями, но и участниками «игры». Тогда они не только действуют в своих интересах, но и решают, что законно, а что нет. Естественно, как рациональные экономические агенты, они ставят свои интересы превыше всего. Так возникает «монархия» по Хоппе. Монарх не наделен абсолютной властью, так как его ресурсы ограничены элитами и обществом, которое не дает долго творить безумства (его убивают или свергают, если он чрезмерно расширяет свою власть). Переход к демократии Хоппе рассматривает как способ расширить власть государства, ведь теперь каждый может надеяться, если

⁷ Характерна реакция на работы ревизионистов школы Коммаджера и сторонников Рузвельта. Р. Коэн пишет: «Рузвельта больше не считают святым», и далее с ностальгией восклицает: «В нашем доме Рузвельта считали не просто президентом. Он был для нас богом» [Cohen 2013, p. 15].

не стать политиком-выгодополучателем от поиска ренты, то хотя бы ее получить в большем количестве, а следовательно, люди готовы терпеть увеличение несвобод и большую власть государства. Так происходят огосударствление экономики и движение к государству-Левиафану [Бьюкенен 1997]. По сути, демократия позволяет расширить сбыт антиблага, то есть интервенционизм, причем отсекает возможность его сокращения.

Похоже, эта схема действует и в отношении истории США. Отцы-основатели — это естественные элиты, которые дали Америке конституцию и ценности индивидуализма и личной ответственности. Но элиты, перескочив через этап монархии (этот этап прошли европейские страны), двинулись к расширению избирательного права, а следовательно, и к расширению государственного регулирования. Рузвельт оказался результатом демократизации [Момот 2013] Америки, которая, по Хоппе, стала источником этатизма. Кроме того, сработал «железный закон олигархии», приводящий к власти худших.

Путь к власти

Рузвельт родился в 1882 году в богатой и знатной американской семье, корни которой уходят к тем, кто прибыл в Америку на легендарном «Мэйфлауэре». С самого детства он проявлял амбиции лидера, выбрав в качестве примера для подражания шестинюрдного брата Т. Рузвельта, карьера которого была во многом повторена Ф. Рузвельтом. Он увлекался военно-морским флотом, его манила политика, но он был малообразован в экономике и профессия юриста, которую он получил, вызывала у него отвращение. С детства он привык к тому, что его желания — закон. Мать боготворила его и спустила не одно состояние на причуды сына. Когда в 1920-е годы все занимались бизнесом, Рузвельт также пытался достичь в нем успеха, однако проявил полное отсутствие необходимых для этого качеств. Он вложил капитал в строительство дирижаблей, был убежден, что у аэропланов нет будущего, вкладывал деньги в разработку напитка, который был чем-то средним между чаем и кофе. Все его проекты характеризовались импульсивностью, самоуверенностью, расточительностью, подкрепленной убежденностью, что его мать покроет все расходы, что всегда и происходило (сторонники Фрейда могут увидеть здесь проекцию образа матери на бюджет США — находясь у власти, Франклин реализовывал проекты за чужой счет и знал, что результат не важен, ведь деньги не его). Рузвельт жил жизнью плейбоя, однако не забывал и о политиче-

ской карьере. Его женитьба на любимой племяннице Теодора Рузвельта — Элеоноре Рузвельт — была расчетливым ходом политика, она открывала для него новые карьерные возможности. Когда выяснилось, что он изменял супруге, то отказался от развода, так как это угрожало его карьере кандидата в президенты и, кроме того, мать обещала лишить его наследства, если он разведется. Это были весомые аргументы.

Не меньше, чем отношения с супругой, характер Рузвельта хорошо передает его участие в спортивных соревнованиях.

Рузвельт не мог себе позволить проиграть. Он пытался бороться с неудачами своими средствами: что-то утаить, что-то преувеличить, а что-то и присочинить. Например, когда в соревновании по бегу среди ста участников Рузвельт показывал слабый результат, то говорил родителям, что пришел четвертым; он знал, что обман не раскроется, так как в школьной газете, которая могла попасться им на глаза, упоминалась только тройка победителей [Фолсом 2012, с. 32].

«Мальчики, которые опережали его в беге, побеждали в боксе или превосходили в игре в футбол, неизменно оказывались, по словам Рузвельта, либо слишком профессионально подготовленными, либо слишком крупными, чтобы соревнование могло считаться честным; если же он опускался вниз в списке успеваемости, то это происходило из-за того, что в школу поступили два новых “ужасно умных” мальчика. А если он считал, что искажение правды пройдет незамеченным, то не колеблясь шел и на это» [Фолсом 2012, с. 32–33].

Эти мелкие штрихи позволяют разглядеть в молодости Рузвельта те черты, что сложатся в завершенное целое, когда он станет политиком. Как в учебе и в спортивных соревнованиях, обман был ключевым инструментом Рузвельта и в дальнейшем. 18 августа 1920 года в городке Дир-Лодж, штат Монтана, Рузвельт выступал перед группой фермеров, где заявил следующее: «Факты таковы, что Конституцию Гаити писал лично я, и, как мне кажется, это вполне приличная конституция».

«Так как на фермеров в Дир-Лодж речь произвела сильное впечатление, Рузвельт рассказал о своем опыте написания конституций и в следующих выступлениях в Бьютте и Хелене [также в штате Монтана]. На самом деле Рузвельт не имел ни малейшего, даже самого отдаленного отношения к написанию Конституции Гаити и никогда не участвовал в управлении какой-либо республикой. Республиканцы постоянно подогревали интерес к этой теме. Ответ Рузвельта на все разоблачения оказался удивительным: он от-

рицал, что когда-либо выступал с таким заявлением, и отрицал это спустя годы всякий раз, когда обсуждался этот вопрос. Он обвинил “Ассошиэтед Пресс” в том, что его неверно процитировали, после чего более тридцати жителей Бьютта письменно засвидетельствовали, что слышали, как Рузвельт похвалялся тем, что написал Конституцию Гаити» [Фолсом 2012, с. 44].

Обещания перед выборами Рузвельта 1932 года напоминают его речи, произнесенные до этого. Вот что провозглашал Рузвельт на выборах:

«Демократы — за прекращение неэффективных бюрократических программ, общественных работ и расточительной поддержки сельского хозяйства».

«Рузвельт и Гарнер (кандидат в вице-президенты, шедший в паре с Рузвельтом, губернатор Техаса) — за немедленное и значительное снижение государственных расходов за счет ликвидации бесполезных государственных ведомств и вновь созданных контор».

«Девиз демократов — не допустить роста государственного долга. Кандидаты демократической партии — за бездефицитный государственный бюджет. Демократы обещают прекратить абсурдную политику заимствования федеральным правительством».

«Мы со всей определенностью обещаем не допустить выхода страны из золотого стандарта» [Сапов, Кизилев 2006, с. 113–114].

Стоит ли упоминать о том, что ни одно из этих обещаний не было выполнено. Не в первый раз Рузвельт использовал обман в качестве средства захвата и удержания власти. Фактически его политика была направлена на одну цель — сохранение собственной власти. В этом смысле Рузвельт — классический пример *Homo Politicus*, который ничем не отличается от *Homo Economicus*, тем самым доказывая верность одной из посылок теории общественного выбора.

Как Рузвельт смог победить своих конкурентов в политической борьбе? Его способы борьбы с оппозицией напоминают то, как И. Сталин в 1920-е боролся с «правым» и «левым» уклоном [Грегори 2006]. Конечно, в США проигравших ждал не расстрел, но лишь потеря власти. Для Рузвельта очень важно было победить левых радикалов, которые конкурировали за тот же электорат, что и он. Рузвельт боролся с «левым» уклоном Коммунистической партии США, демократических социалистов и таких деятелей, как Э. Синклер и Ф. Таунсенд, беря на вооружение их лозунги и программы, за что «левые» уклонисты очень обижались на Рузвельта. Победив «левых», он перешел к борьбе с «правым» уклоном — бизнесом и Верховным судом, а также банками.

Про банкиров Рузвельт говорил: «Старое ошибочное мнение о банках и правительстве как о более или менее равноправных субъектах должно быть оставлено в прошлом» [Согрин 2015, с. 190]. Теперь все равны, но есть те, «кто равнее».

Если на выборах 1932 года Рузвельт вел себя как популист, то уже на промежуточных выборах 1934-го он использовал имеющуюся власть для подавления конкурентов и для обеспечения «правильных результатов голосования». Именно эти выборы изображены в фильме 1996 года «Канзас-Сити», где показано то, как на выборах работала американская «карусель» при голосовании.

Когда в 1945 году Ф. Рузвельта не стало, многие посчитали это важнейшим событием в преодолении тенденции к огосударствлению экономики. Если бы в 1948-м состоялись выборы, в которых принял бы участие Ф. Рузвельт, то, возможно, они и не оказались бы последними в США, но серьезно задержали бы развитие страны.

Рузвельт не стал бы сокращать масштабы деятельности государства:

«Если реакция победит, если повторится история и мы возвратимся к так называемому обычному положению двадцатых годов, можно будет решительно сказать: хотя мы и победили врагов на полях битв за рубежами нашей страны, здесь, у себя дома, мы дали возможность победить духу фашизма» [Чернявский 2012, с. 468–469].

Скорее всего, США тогда бы повторили «лейбористскую» историю Великобритании с медленным угасанием экономики и потерей влияния в мире, что потребовало бы реформ, подобных реформам Тэтчер [Усанов 2014а].

Почему наступают кризисы?

Прежде чем подробно описывать события 1920–1941 годов, необходимо изложить австрийскую теорию экономического цикла, которая была разработана Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком [Мизес 2012а; Мизес 2012с; Хайек 2008; Хаберлер 2005].

Причина экономического цикла находится в сфере денежного обращения. А именно, в сфере деятельности центрального банка⁸. Он ответ-

⁸ Центральные банки возникают как неизбежное следствие частичного резервирования, поскольку именно оно порождает потребность банков в «кредиторе в

ственен за экономические циклы и кризисы. Понижение центральным банком процентной ставки ниже естественного уровня (который складывается на свободном рынке) приводит к искусственному удлинению структуры капитала и росту ошибочных инвестиций: более низкий процент вызывает иллюзию доступности кредита и прибыльности инвестиций, которые не были бы реализованы при более высоком проценте. На этапе экономического бума происходит перемещение ресурсов в более окольные стадии производства, цены на них растут. Через какое-то время рост цен приводит к росту процента, после чего происходит корректировка структуры производства так, чтобы она соответствовала имеющимся ресурсам. Кризис выявляет ошибочные инвестиции, так как проблема не в недостаточности совокупного спроса и инвестиций, а в том, что инвестиции направлялись не в те отрасли. Так как капитал неоднороден, то невозможно купировать кризис увеличением государственных расходов и инвестициями. Необходимо изменение структуры инвестиций, а не их размера. Если этому процессу не мешать, то ресурсы быстро перемещаются в новые цепочки производства и начинается рост. Если же регулировать цены и объемы производства, зарплаты и прибыли, то процесс корректировки становится длительным и гораздо более болезненным [Garrison 2001].

Отсюда и рекомендация австрийской экономической школы: не вмешиваться в экономику в период экономического спада. Такое вмешательство лишь усугубит кризис.

Забытый кризис 1921 года

В 1920 году начался экономический кризис, который современные историки называют «забытым кризисом США». За один год падение было более значительным, чем в 1930-м, — 21% [Woods 2009]. Однако этот период очень быстро сменился экономическим ростом. Он был рекордным в 1921–1929 годах, которые часто называют «эпохой просперити».

Кризис 1920–1921 годов был вызван увеличением денежной массы и понижением процента во время Первой мировой войны и сразу после нее.

Безработица в США, когда государство не вмешивалось в экономику, составляла: в 1920-м — 1,3%, 1921-м — 11,2%, 1922-м — 6,8%, 1923-м —

последней инстанции» [Уэрта де Сото 2008]. История кризисов в XIX веке описана в работе М. Вирта [Вирт 2012].

1,7%. То есть уже через два года она почти достигла докризисного уровня. Безработица в США в период Нового курса имела совсем другую динамику: 1929-й — 1%, 1930-й — 6,8%, 1931-й — 7,8%, 1932-й — 25%. В дальнейшем безработица не опускалась ниже 15% до начала Второй мировой войны [Сапов, Кизилов 2006, с. 101].

Как мы видим, политика невмешательства дала быстрый положительный эффект в 1921 году, а политика регулирования экономики удерживала безработицу на беспрецедентно высоком уровне все 1930-е годы.

Пол Джонсон так описывает политику президента У. Гардинга в период кризиса 1921 года:

«Гардинг ничего не сделал кроме того, что сократил государственные расходы — последний раз, когда огромная индустрия страны преодолевала рецессию классическими методами *Laissez Faire*, позволив зарплатам упасть до их естественного уровня. Бенджамин Андерсон из “Чейз Манхэттан Банк” позднее назвал это “наше последнее восстановление до полной занятости”» [Джонсон 1995, с. 251].

В 1923 году пост президента занял К. Кулидж, продолживший политику невмешательства.

Советские историки в известном четырехтомнике «История США» [Севастьянов, Языков, Попова 1985] негативно оценивали политику «дикого капитализма» Гардинга и Кулиджа, потратив множество страниц на описание «ортодоксальной» политики, однако отметили, что кризис был преодолен очень быстро. В то время как гораздо более «социальная» политика Рузвельта вызвала гораздо более длительный кризис.

Советские историки писали в третьем томе, посвященном периоду 1918–1945 годов:

«Уже в конце 1922 г., достигнув предкризисного уровня промышленного производства, они [США] вступили в полосу промышленного подъема» [Севастьянов, Языков, Попова 1985, с. 90].

«Экономический подъем в США продолжался почти семь лет, до середины 1929 г., и был весьма значительным: общий объем промышленного производства в США в 1929 году превысил уровень предкризисного 1920 г. на 32%» [там же].

Итак, восстановление началось уже в 1922 году, и выход из кризиса никак не был связан с усилением государственного регулирования.

Но уже тогда медленно начался период кредитной экспансии, особенно усилившийся после 1924 года. Предложение денег на 30 июня

1921 года — 45,3 млрд долларов. В 1929 году предложение денег составило 73,3 млрд долларов. Предложение денег выросло на 28 млрд долларов, или на 61,8%. Средний темп прироста предложения денег — 7,7% [Ротбард 2012]. В 1927 году в экономику было вброшено более 400 млн долларов, что позволило банковской системе создать «из ничего» 3 млрд долларов, большая часть пошла на рынок акций, что продлило бум до 1929 года.

Таким образом, все 1920-е годы шла накачка экономики деньгами. Это было бы невозможно без создания в 1913 году ФРС. Хотя кризисы 1921 и 1929 годов были вызваны мягкой денежно-кредитной политикой ФРС, кризис 1921 года оказался гораздо менее болезненным, так как в остальном политика была вполне в стиле *Laissez Faire*, что нельзя сказать о политике Гувера и Рузвельта.

Гувер и Рузвельт

Принято считать, что Гувер был сторонником невмешательства и проводил соответствующую политику. Факты говорят об обратном.

Он рассматривал экономику как огромную машину, которой можно и нужно руководить из центра. Несомненно, на его политико-экономические взгляды повлиял опыт работы инженером и администратором, он смотрел на экономику как инженер, готовый активно вмешиваться в ее деятельность.

Еще в 1921 году Гувер занимал пост министра торговли и организовывал трехсторонние переговоры (профсоюзы, правительство и бизнес), на которых обсуждались рекомендации по выходу из кризиса: общественные работы, масштабные программы поддержки сельского хозяйства, создание государственных агентств, наделенных значительными полномочиями.

Общественные работы были тогда крайне популярным средством, его активно продвигали известные английские социалисты С. Вебб и Б. Вебб: чтобы просветить американскую публику о прогрессивных мерах, супруги создали в Нью-Йорке в 1919 году Новую школу социальных наук. Среди преподавателей был будущий советник Гувера Уэсли Митчел, который, как и президент, полагал, что пришло время для активных действий по реформированию капитализма.

Обсуждалось создание Федеральной корпорации занятости, которая должна была перебрасывать излишки рабочей силы из одного штата в другой. Однако все эти меры негодились, так как уже в 1922 году на-

чался оживленный рост. Все программы были положены под сукно. В 1929 году Гувер достал их из-под сукна, чтобы наконец опробовать на практике.

Гувер не скрывал свою позицию социального инженера.

«Битва за то, чтобы привести в движение машину экономики, требует новых форм и заставляет время от времени применять новую тактику. Мы использовали чрезвычайные методы для того, чтобы выиграть войну — мы используем их вновь, чтобы победить депрессию» (май 1932).

«Если не будет отступления, если продолжится та атака, которую мы подготовили и проводим, то битва будет выиграна» (август 1932).

«Мы могли бы ничего не делать. Это было бы совершенной катастрофой. Вместо этого мы, действуя в соответствии с ситуацией, обращаемся к частному бизнесу и конгрессу США с предложением самой гигантской программы экономической обороны и контратаки, когда-либо осуществлявшейся в истории нашей страны... Впервые за эту депрессию мы сократили дивиденды, прибыли и снизили стоимость жизни, чтобы сохранить зарплаты. Наша реальная зарплата сегодня является самой большой в мире. Некоторые экономисты-реакционеры призывают нас допустить ликвидацию предприятий и банков с тем, чтобы экономика могла достичь дна. Мы клянемся в том, что не последуем этому совету и не допустим, чтобы все, у кого имеется задолженность, разорились» (октябрь 1932) [Сапов, Кизилев 2006, с. 117–118].

Речь Гувера, произнесенная 23 ноября 1929 года, называлась: «Направить мощь государства на спасение экономики».

Гувер честно признает, что до него политики придерживались идеи невмешательства, он же активно вмешивался в дела экономики, «так что мы были пионерами, вступившими на неизведанную землю» [Ротбард 2012, с. 309].

По сути, то, что сделал Гувер, следует называть Новым курсом 1, а действия Рузвельта — Новым курсом 2. Как мы увидим, различия между ними не было.

Гувер активно боролся с банкротствами банков, вливая огромные деньги из федерального бюджета. Что, правда, не помогло. Банкротства продолжались. Гувер поднял предельную ставку подоходного налога с 25 до 63%. В 1930 году Гувер собрал совещание (подобное созданному в 1921 году) с целью зафиксировать цены и объемы производства на докризисном уровне. В качестве средств использовались пропаганда и запугивание большого бизнеса. Были повышены тарифы на импортные товары «для защиты собственного производителя». 175 млн долларов было вы-

делено на строительство новых административных зданий, 48 губернаторов получили агрессивное заявление о необходимости начать общественные работы. Доля государственных расходов увеличилась с 16,4% в 1930 году до почти 22% в 1931 году. 1 млрд долларов были розданы непосредственным конечным получателям: местным органам власти, энергетическим компаниям и школьным округам. Это грубо нарушало порядок финансирования государственных расходов. В 1929 году Сельскохозяйственная закупочная ассоциация получила 500 млн долларов на поддержку цен и еще 100 млн долларов в 1930 году. Летом 1930-го Гувер подписал тариф Смута–Хоули (значительное повышение тарифа на импорт), обрушивший внешнеторговый оборот: импорт сократился с 4,4 млрд долларов в 1929 году до 2 млрд долларов в 1931-м. Это вызвало ответные меры, обрушившие экспорт США: 5,3 млрд долларов в 1929 году и 2,3 млрд долларов в 1931-м.

По этому закону были повышены тарифы на целый ряд товаров, подлежащих обложению таможенными пошлинами; например, пошлины на сельскохозяйственную продукцию были повышены в среднем с 20 до 34%; на алкогольную продукцию — с 36 до 47%; на шерсть и изделия из шерсти — с 50 до 60%. В общей сложности было резко повышено 887 тарифов, а список товаров, подлежащих обложению пошлинами, был расширен до 3218 пунктов. Важнейшей особенностью тарифа Смута–Хоули было то, что пошлины рассчитывались в конкретной денежной сумме, а не в проценте от цены. Когда в ходе Великой депрессии цены упали вдвое, фактическая ставка удвоилась, тем самым усилив протекционистский характер закона [Poulson 1981, p. 508].

Фондовый рынок, в значительной мере восстановивший позиции, потерянные после «черного четверга», упал на 20 пунктов в тот день, когда Гувер подписал Закон Смута–Хоули, и падал почти безостановочно следующие два года.

Тариф вызвал серьезные проблемы в финансовой сфере — новую волну банкротств банков.

Так, в 1930 году разорилось 1345 банков, а в 1931-м — уже 2298 [Далин 1936, с. 21].

Дело в том, что американские банки активно кредитовали европейских производителей, которые продавали свой товар на американском рынке. Закрытие американского рынка означало банкротство европейских компаний и, как следствие, кредитовавших их американских банков. В 1932 году Гувер создал Корпорацию финансирования реконструкции (RFC) — по сути, параллельный центральный банк, наделенный правом

по распоряжению Гувера выделять кредиты нужным компаниям. Только за первый год эта Корпорация выдала 2,3 млрд долларов, из них в порядке безвозвратного финансирования — 1,6 млрд долларов. RFC не отчитывалась перед Конгрессом о предоставленных ссудах.

Политика Гувера была последовательной политикой социального инженера, использовавшего свою власть для того, чтобы финансировать деятельность одних граждан за счет других. Рузвельт не придумал ничего нового.

Рексфорд Гай Тагвелл, один из архитекторов политики Рузвельта в 1930-е годы, объяснял несколько десятилетий спустя: «Тогда мы в этом не признавались, но практически весь Новый курс был экстраполяцией программ, начатых Гувером» [Johnson 1997, p. 741].

Идеологические истоки Нового курса

Особую роль в принятии идей этатизма сыграли американские интеллектуалы, привезшие после учебы в Германии «прогрессивные идеи». Ричард Элай, учившийся в Германии у К. Книсса, привез идеи этатизма в США. До 1913 года в США не было центрального банка и не было подоходного налога, не было прогрессивной социальной политики. Одним из учеников Р. Элая был будущий президент США В. Вильсон, который в 1913 году создал ФРС и ввел подоходный налог [Dorfman 1966].

До Великой депрессии в Нью-Йорке насчитывалось 86 театров, после нее — только 28. Кризис определяет, кто является театром, а кто нет. Но такая позиция не слишком по вкусу «инженерам человеческих душ», зависеть от рынка им нравится гораздо меньше, чем получать государственные субсидии. Рузвельт выделял миллионы долларов на поддержку театров, Голливуда, СМИ, оркестров. Однажды он получил письмо от целого духового оркестра, который был совершенно неизвестен, но тем не менее требовал средства на гастрольную поездку по всей Америке [Чернявский 2012, с. 252].

Интеллигенция любила Рузвельта. В самом деле, кому не понравится президент, понимающий значение культуры и занимающийся щедрым финансированием из бюджета новых фильмов, спектаклей, книг, учебных программ и исследований.

Вслед за некоторыми героями романа «Атлант расправил плечи» интеллектуалы полагали:

«Нельзя ожидать, чтобы народ понял высшие уровни философии. Культуру следует вырвать из рук охотников за долларами. Нам нужна национальная стипендия для литераторов. Какой позор, что в художниках видят подобие торговцев-разносчиков и что произведения искусства приходится продавать, как мыло» [Рэнд 2015, с. 151].

Причем тут же интеллектуалы находят способ решения всех экономических проблем — запрет. Слово это не очень популярно, его тогда заменяют нейтральным «перераспределение», которое, по сути, означает то же самое: разрешение одним и запрещение другим [Бастия 2006].

Например, можно придумать и такой запрет:

«Необходимо выпустить закон, ограничивающий тираж любой книги десятью тысячами экземпляров. Эта мера откроет литературный рынок перед новыми дарованиями, свежими идеями и некоммерческой литературой. Если запретить людям раскупать миллионные тиражи какой-нибудь дряни, они волей-неволей начнут покупать более качественные книги» [Рэнд 2015, с. 144].

Интеллектуалы убеждены, что капитализм — враждебная для них система, и не ищут иных путей решения проблемы, кроме расширения государственного регулирования. Усиление власти интеллектуалов сделало возможным значительное огосударствление экономики, которое стало реакцией на Великую депрессию⁹.

Великая депрессия

24 октября 1929 года в «черный четверг» индекс Доу-Джонса сократился на 9%, в «черный вторник» 29 октября падение составило 17,3%, снизив стоимость компаний на 14 млрд долларов. Всего за четыре года стоимость всех компаний на рынке упала в десять раз. Фондовый рынок вернется на докризисный уровень только в 1951 году. Объем промышленного производства упал в два раза. ВВП сократился со 103 млрд долларов

⁹ Особенно следует отметить роль Рузвельта и его сторонников в «захвате» термина «либерализм». Рузвельту требовался новый бренд с положительными коннотациями. Со времен Рузвельта «либерал» — это сторонник активной роли государства, хотя смысл данного термина был прямо противоположным. Теперь сторонники свободного рынка называют себя либертарианцами [Ротунда 2016].

до 56 млрд долларов. Безработица выросла до 25%, располагаемые доходы населения упали на 45,16%. Только в 1930 году обанкротилось 744 банка, а к 1932 году — более 5000 из 25 000 банков [Шевляков 2016, с. 34, Аникин 2002]. В 1929–1932 годах обанкротилось 115 000 компаний. Уильям Дюран, основатель *General Motors*, потерял на фондовом рынке 40 млн долларов и оказался фактически нищим. И таких было множество.

Восстановление экономики, которое раньше происходило через несколько месяцев или пару лет, так и не началось, хотя признаки восстановления были в середине 1933 года и во второй половине 1935-го [Anderson 1949; Badger 1989].

Этот кризис не смогли предсказать ведущие экономисты той эпохи: глава NBER Уэсли Митчел, Ирвинг Фишер, Джон Мейнард Кейнс. Кейнс, например, считал, что «в наше время крахов больше не будет» (1926), «ФРС сделает все, чтобы избежать деловой депрессии» (1928) [Скоузен 2012, с. 349]. Марк Скоузен в своем исследовании «Кто предсказал Великую депрессию?» доказывает, что кроме представителей австрийской экономической школы и еще нескольких человек¹⁰ мало кто понимал, что происходило тогда в американской экономике.

В 1924 году Мизес сообщил Ф. Махлупу о том, что «это будет большой крах», когда в 1929 году ему предложили пост президента *Credit Anstalt*, от которого он отказался, удивив свою жену Маргит. Мизес тогда объяснил: «Скоро произойдет великий крах, и я не хочу, чтобы мое имя хоть как-то было с ним связано» [Скоузен 2012, с. 358; Хьюльсманн 2013].

В 1929 году Хайек опубликовал статью по-немецки, где предсказывал крах. Позже он вспоминал об этом:

«Разумеется, ожидать этого меня заставило мое теоретическое убеждение, что невозможно бесконечно поддерживать инфляционный бум... Кроме того, когда в 1927 году Федеральный резерв сделал попытку отсрочить крах с помощью кредитной экспансии, я убедился, что бум стал типично инфляционным. Поэтому в начале 1929 г. налицо были все признаки того, что бум должен захлебнуться» [Скоузен 2012, с. 360].

¹⁰ Бенджамин Андерсон из *Chase Manhattan Bank*; Феликс Зомари — швейцарский банкир; Роджер Бэбсон — инвестиционный консультант на Уолл-Стрит [Скоузен 2012].

Объяснение Великой депрессии

Некоторые полагают, что Великая депрессия является примером кризиса перепроизводства. Экономическая теория давно показала, что не существует кризисов перепроизводства. Все они являются следствием не «врожденного порока капитализма», а вмешательства в свободный рынок.

Когда увеличивается количество всех благ в экономике, то это называют экономическим ростом и обычно считают крайне желательным явлением. Однако «кризис перепроизводства» — та же ситуация, когда «всего слишком много», но если мы не в раю, то такая ситуация просто невозможна, так как количество ресурсов всегда меньше, чем желают иметь индивиды. Если какого-то блага становится слишком много — компания получает сигнал в виде убытков и перестает производить данный продукт. Сигналы в виде прибылей и убытков направляют действия предпринимателей на то, что нужно потребителю. Таким образом, общий кризис перепроизводства невозможен. Возможен кризис неверной структуры производства, когда произведено не то, что нужно потребителю, а эту ошибку могут совершить одновременно все предприниматели, только если их ошибки порождены одной причиной. По сути, кризисы вызываются не тем, что «слишком много всего произвели», а тем, что структура производства не соответствует существующим предпочтениям потребителей и возможностям экономики. Это происходит тогда, когда предприниматели получают ложную информацию об имеющихся ресурсах в результате роста денежной массы. Цены отклоняются от рыночных и порождают систематические ошибочные инвестиции. Великая депрессия не была кризисом перепроизводства, так как таких кризисов не существует.

Монетаристы полагают, что причина Великой депрессии в том, что ФРС слишком резко подняла процент в 1929 году: если бы этого не сделали, то Великой депрессии можно было бы избежать [Фридман, Шварц 2007; Эйхенгрин 2016]¹¹. Однако проблемы в американской экономике накопились не тогда, когда был поднят процент, а в течение 1921–1929 годов, когда денежная масса выросла на 62%, вызвав искажения в структуре производства и необходимость ее корректировки. В 1929 году ФРС стояла перед выбором: продолжить печатать деньги, что уже не работало и вызвало бы что-то вроде stagфляции 1970-х или гиперинфляции Веймарской ре-

¹¹ Барри Эйхенгрин полагает, что виновата неправильная (дефляционная) политика ФРС, слишком быстро поднявшая процент в 1929 году. Если бы ФРС своевременно понизила процент, все было бы иначе.

спублики, либо повышать процент, но тогда вызвать экономический спад. Выбрав второе, ФРС, скорее, пошла бы по пути кризиса 1921 года, который быстро закончился. Фактически же ФРС уже в 1929 году снова понизила процент и начала кредитную экспансию. Однако это уже не работало, эмиссия лишь увеличивала свободные резервы коммерческих банков. Кризис 1929 года невозможно объяснить повышением процента ФРС, причина находилась глубже, в кредитной экспансии ФРС 1921–1929 годов.

Марксисты видят причину негибкости цен в монополиях, которые не давали ценам упасть в период Великой депрессии. Однако экономические историки давно доказали верность идеи экономической теории о том, что и фирмы с большой долей на рынке стремятся иметь не максимальные цены, а максимальную выручку. Следовательно, они понижают цены, когда им это выгодно, что и происходило в XIX веке, когда цены на продукцию таких компаний, как *Standart Oil*, понижались [Арментано 2011]. После создания Антитраста цены стали расти, а не падать. Ничто не мешает ценам падать, если стороны этого захотят, так как цена — договорное явление и такого явления, как негибкость цен, не существует. Единственная причина того, что ценам не давали упасть во время Великой депрессии, состоит в том, что государство регулировало цены. Без этого цены бы подстроились под спрос и предложение.

Что сделал Рузвельт?

Деятельность является результатом определенного замысла [Мизес 2012b, с. 14–32; Усанов 2014b, с. 16–41]. В этом смысле важно понять, какие экономические взгляды были у Рузвельта.

Они оказывались во многом схожи со взглядами Дж. М. Кейнса¹² [Кейнс 2007]. Рузвельт считал, что Великая депрессия была кризисом пе-

¹² Кейнс в целом одобрял политику Рузвельта: «Если правительство увеличит федеральные расходы на стимулирование с 300 до 400 миллионов долларов в месяц, восстановление экономики США пойдет удовлетворительно». Он призывал нарастить дефицит бюджета до 8% ВВП и всячески хвалил Новый курс в статье 29 мая 1934 года в «Нью-Йорк Таймс». Кейнс одобрил проведенное ФРС снижение процентных ставок до рекордно низкого уровня с целью предотвращения дефляции: «С депрессией нужно бороться, поднимая цены, а не снижая их» [Назар 2013, с. 421, 436]. Кейнс симпатизировал и Советской России: «Ленинизм — предмет величайшего интереса. Мы, люди Запада, будем наблюдать все то, что делается в СССР, с чувством и живым интересом в надежде, что мы можем найти такие вещи, относительно

репроизводства; что дефляция — источник всех бед и с ней нужно бороться; что финансисты породили кризис. Он видел причину низкой заработной платы рабочих в том, что 10% предпринимателей платят слишком мало, а остальные вынуждены платить так же мало¹³. Такую теорию нельзя оценить иначе, как эксцентрическую, и, похоже, она была выдумана на ходу, чтобы обосновать «наезды» на бизнес [Рузвельт 2012, с. 16–21].

Интересна аргументация Рузвельта, почему он отказал в размене долларов на золото всем. Золота было на 3–4 млрд, а требований — на 25 млрд. «Во имя общего блага мы решили не давать права никому!» [там же].

Рузвельт и ставший позднее министром финансов в его правительстве Моргентау устанавливали цену на золото каждое утро, когда Рузвельт завтракал в постели [Leuchtenburg 1963, p. 79–81]. 3 ноября, когда Моргентау предложил Рузвельту поднять цену на 19–22%, тот выбрал 21% и, смеясь, объяснил: «Это “счастливое” число, потому что это три, помноженное на семь». Позднее Моргентау записал в дневнике: «Если бы кто-нибудь узнал, что мы устанавливали цены на золото с помощью комбинаций “счастливых” чисел, он пришел бы в ужас» [Фолсом 2012, с. 133].

Как только Рузвельт вступил в должность президента США, он получил чрезвычайные полномочия для преодоления кризиса.

Одним из его первых действий в рамках «100 дней» было закрытие банков — так называемые банковские каникулы.

5 марта президент объявил банковские каникулы, были закрыты банки на 4 дня, напечатаны 2 млрд долларов [Рузвельт 2012, с. 8].

Существовали опасения, что люди побегут обменивать доллары на золото. Опасения на оправдались. Паники и ажиотажа не наблюдалось [Рузвельт 2012, с. 9]. В процессе проверки были закрыты банки, не соответствующие требованиям властей. Особенно пострадали мелкие и средние банки, не имеющие необходимого лоббистского потенциала. Оставшиеся получили ликвидность за счет ФРС и были вскоре открыты. Несомненно, открытие банков способствовало оживлению экономики в марте–июне 1933 года. Однако сама реформа означала значительные перемены в

которых мы можем тут поучиться» [Кейнс 2007, с. 938–939]. Кстати, М. Фридман в то время также был горячим сторонником Нового курса и работал в Национальном комитете по ресурсам. Позже в своей публицистике он двинется вправо, но в экономической теории останется кейнсианцем.

¹³ Рузвельт, видимо, не видел неувязки в своей логике. Если 90% предпринимателей платят больше остальных, то оставшиеся 10% рабочих перейдут туда, где платят больше.

устройстве банковской системы, которые, правда, были подготовлены предыдущими событиями. Завершился долгий процесс, связывающий банковскую систему в единый картель с государством. Кто является банком, а кто не является, теперь решает не рынок, а политики. Банковская система с тех пор — это «социализм в отдельно взятой отрасли» [Уэрта де Сото 2008, с. 491–514; Ротбард 2009].

Несмотря на то что Новый курс Рузвельта продлил Великую депрессию, существовали меры, которые благотворно повлияли на экономику США. В частности, это отмена Сухого закона 22 марта 1933 года, неэффективность которого была очевидна для всех. Вместо повышения здоровья нации Сухой закон породил преступность, коррупцию, черный рынок, переключил американцев на потребление более крепких напитков (переход с пива на самогон — так называемый эффект Алчиана–Аллена). Кроме того, Рузвельт сократил тариф Смута–Хоули в 1934 году, что также способствовало оживлению 1935 года. Непреднамеренным последствием стало и массовое распространение женских купальников-бикини. Дело в том, что Управление по военному производству запретило изготовление сплошных купальников в целях экономии материала [Henderson 2010, p. 8].

Рузвельт создал множество «алфавитных агентств», именуемых так по причине схожих названий: FWA, AAA, CCC (было два агентства с таким названием, что вызывало путаницу), FSA, FCC, AOA, ODT и под сотню подобных, — самые известные, несомненно, NRA, WPA и AAA. Регулятивный зуд Рузвельта и его команды не знал предела, агентств было так много, что глава комитета по контролю за правительственными расходами не слышал даже названия некоторых [Шевляков 2016, с. 60]. Джон Флинн в своей книге приводит впечатляющий 3-страничный список из 101 такого агентства [Flynn 1948, p. 290–292]. Он же приведен в Приложении.

Во время Первой мировой войны в США была опробована Питтсбургская система ценообразования — система «базисных пунктов» (ее отменили на основе антитрестовских законов в 1924 году), но ее возродил генерал Джонсон в 1933 году как NRA. По этой системе разрешалось устанавливать цены, как в Питтсбурге, плюс расходы на транспортировку. Например, производитель стали в Чикаго должен был ставить цену на сталь, как в Питтсбурге, прибавляя к этому расходы на транспортировку стали из Питтсбурга. Естественно, это увеличивало заказы на продукцию из «базисных пунктов» и ставило в неконкурентное положение иные заводы. Кроме того, такой подход давал возможность получать Американской стальной корпорации огромные прибыли в тех регионах, где она имела заводы. Все это позволило монополизировать рынок питтсбургским заво-

дам и повысить цены на 60–400% на свой продукт [Далин 1936, с. 84, 95–96].

В июне 1933 года Рузвельт подписал Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA), ей выделялось 3,3 млрд долларов. Крупные компании поддерживали NIRA, так как это отсекало от рынка малый и средний бизнес. В рамках NIRA были написаны кодексы честной конкуренции, всего более 500. В них регулировались: максимальная продолжительность рабочей недели, максимальная продолжительность рабочего дня, минимальная ставка заработной платы, кодексы регулировали объемы производства и цены по отраслям и заработную плату [Чернявский 2012, с. 240–241]. В кодексе нефтяной промышленности было написано, что цены на нефть устанавливает лично президент США.

Наметившееся оживление первой половины 1933 года было прервано. В первом полугодии 1933 года промышленное производство выросло на 69%, во второй половине 1933 года промышленное производство сократилось на 25% [Шевляков 2016, с. 90], это произошло после создания NRA.

Существовало 60 кодексов, регулирующих текстильную отрасль; 29 кодексов, регулирующих бумажную отрасль; 56 кодексов, регулирующих производство чугуна и стали; 6 кодексов отдельно регулировали полиграфические услуги. Никто не мог разобраться во всех этих кодексах, что порождало хаос и неразбериху. Увеличение издержек на ведение бизнеса составило 40% [Далин 1936, с. 83].

Вся экономика разделялась на 17 отраслей, в первые годы было написано 453 (через год их было уже 750) кодекса честной конкуренции, под деятельность NRA подпадало 2,5 млн фирм и 22 млн рабочих, 91% промышленности регулировался NRA. Кодексы регулировали производство кормов для собак, мягких подплечников для пиджаков, деятельность собственников театральных бурлесков (регулировалось даже количество девушек, которые могли выступать полуголыми) [Чернявский 2012, с. 242].

Не все были согласны с такими полномочиями государства, на что глава NRA генерал Джонсон говорил, что противникам нового кодекса «заткнут рот» [Фолсом 2012, с. 71].

Для проведения в жизнь закона была создана NRA, соединяющая в себе исполнительную, законодательную и судебную власти, что позволяло NRA блокировать банковские счета и осуществлять принудительную внесудебную ликвидацию компаний.

Для реализации кодексов NRA завела себе собственную военизированную службу. Малый и средний бизнес подверглись настоящему террору.

Аппарат NRA увеличивался на 100 человек в день. Зарплаты также быстро росли: 125 долларов получал выпускник университета, а уже через полгода он получал 375 долларов (средняя зарплата в США была 117 долларов).

В 1938 году в конфиденциальной беседе Рузвельт признавался, что главной проблемой для него является необходимость придумать достаточное количество проектов, на выполнение которых можно было бы списать выделяемые деньги [Сапов, Кизилев 2006, с. 141–142].

Отставной бригадный генерал Хью «Железные штаны» Джонсон, любящий выпивку и сквернословие, действовал на посту директора NRA с той же лихостью, с которой в 1913–1914 годах участвовал в интервенции в Мексику. Благо военная риторика (борьба с кризисом подобна войне с неприятелем) Рузвельта соответствовала такому подходу.

Естественно, военная риторика в мирное время порождает свои жертвы. Такой жертвой стал бизнес.

Для выявления нарушений NRA устраивала облавы, арестовывала бухгалтерские книги путем внезапных налетов и вышибания дверей, проверяя, не сидит ли кто-то за швейной машинкой в запретное ночное время.

Обычный портной Якоб Магид вошел в историю, угодив за решетку за то, что нарушал один из кодексов NRA. Магид брал 35 центов вместо 40 за свою услугу. То, что обычно рассматривается как благо, — конкуренция, — в глазах Рузвельта было преступлением, достойным заключения в тюрьму.

Магид был не единственной жертвой. Фред Перкинс из Пенсильвании производил и продавал аккумуляторные батареи для фабрик и осветительные приборы для ферм. Зарплаты, которые он платил своим работникам, были ниже установленных в кодексе, хотя рабочих они устраивали. Он должен был либо закрыть бизнес, либо повысить зарплаты. Он отказался это делать, получив поддержку своих сотрудников, за что попал в тюрьму, продолжая, правда, из тюрьмы руководить бизнесом [Фолсом 2012, с. 71].

Джон Флинн описывает, как сторонники NRA вели свои дела:

«NRA обнаружила, что не может провести в жизнь свои правила. Укреплялся черный рынок. Добиться выполнения норм можно было только самыми жестокими полицейскими методами. В швейной промышленности — вотчине [видного деятеля американского профсоюзного движения] Сидни Хиллмана — кодексы внедряли при помощи спецподразделений. Они рыскали по швейному району, как штурмовики. Они могли ворваться на фабрику, выгнать хозяина, выстроить сотрудников в шеренгу, быстро их до-

просить и забрать бухгалтерские книги. Ночная работа была запрещена. Летучие отряды этих “швейных полицейских” проходили по району ночью, стучали в двери топорами, ища тех, кто осмелился сшить пару брюк в ночной час. Но чиновники, ответственные за проведение кодексов в жизнь, говорили, что без этих жестких методов не удалось бы добиться их соблюдения, потому что общественность их не поддерживала» [Flynn 1948, p. 45].

Сэм и Роза Марковиц из Кливленда, владельцы химчистки, делали скидку клиентам на 5 центов, за что были оштрафованы на 15 долларов, а потом отправлены в тюрьму [Фолсом 2012, с. 72].

Все эти случаи вызвали волну обращений предпринимателей в суды, которые принимали оправдательные решения. Пресса также сделала свое дело: общественность воспринимала NRA как структуру, попирающую конституцию США.

В 1935 году Верховный суд единогласно признал NRA неконституционной.

На заседании заслушивались вопросы, настолько странные и комичные, что зал с трудом сдерживал смех.

Так, в соответствии с кодексом, действующим в рамках NRA, «покупатель не может выбирать цыплят, которых он хочет купить. Он должен просунуть руку в клетку и взять первого цыпленка, который попадется. Он обязан взять эту птицу». Как явствует из распечатанного текста разбирательства, объяснение адвоката вызвало редкую для этого учреждения реакцию — хохот в зале Верховного суда. Обсуждение продолжилось, однако вскоре вопрос судьи Джорджа Сазерленда «А если предположить, что все цыплята оказались в одном углу клетки?» был встречен новым взрывом хохота. Когда смех утих, все девять судей единогласно проголосовали в пользу признания NRA неконституционной [Фолсом 2012, с. 76].

Член Верховного суда Луис Брэндейс прочел эпитафию Новому курсу: «Это конец политики централизации, отправляйтесь к президенту и скажите ему, что мы не собираемся позволить этому правительству централизовать все» [Шевляков 2016, с. 88].

Однако Рузвельт на этом не остановился. Он стал проталкивать закон Гаффи–Снайдера, обращаясь к комиссии: «Надеюсь, Ваша комиссия не допустит, чтобы сомнения в конституционности, сколь резонными они ни были, помешали принятию предлагаемого закона» [Фолсом 2012, с. 77]. Кстати, этот закон подразумевал законодательно установить 350 000 цен.

В 1933 году было создано еще одно крайне влиятельное «алфавитное агентство» — AAA. 12 мая Конгресс одобрил AAA. Это связано с тем, что

13 мая планировалась общенациональная фермерская забастовка. Рузвельт признался, что «усилиями правительства она была сорвана» [Мальков 1973, с. 265].

Для поддержания сельского хозяйства только в 1934 году было уничтожено 23 млн голов рогатого скота [Далин 1936, с. 139]. Фермерам платили миллионы долларов, чтобы они ничего не выращивали, в то время как президент говорил о трети недоедающих американцев [Фолсом 2012, с. 86].

Предельная ставка подоходного налога была увеличена Рузвельтом с 63 до 77%, был девальвирован доллар на 41%, что позволило перераспределить 2,8 млрд долларов от общества к государству. Госдолг вырос с 20 млрд долларов в 1933 году до 43 млрд долларов в 1940-м.

Глава WPA Гарри Гопкинс [Шервуд 1958] говорил, когда спрашивали о деятельности его агентства: «У меня занято четыре миллиона человек, но, ради Бога, не спрашивайте меня, чем они занимаются» [Шевляков 2016, с. 76]. WPA предоставляла такие услуги обществу: отпугивание воздушными шарами птиц от общественных зданий, каталогизация рецептов приготовления шпината, ловля перекасти-поля, написание истории английской булавки¹⁴. 41% расходов WPA уходил на содержание бюрократического аппарата. Сами работники получали 30 долларов в месяц.

Еще одна история Нового курса, о которой стоит упомянуть, связана с запретом выращивания конопли.

Конопля в 1920–1930-е использовалась как средство изготовления тканей, канатов и бумаги. Конгресс в 1937 году законодательно закрепил выращивание конопли, приравняв к тягчайшим преступлениям ранее прибыльное производство сырья для технических отраслей промышленности. Дюпоны лоббировали этот закон, так как он отсекал конкурента в виде более дешевого сырья. Пострадали же от этого фермеры Среднего Запада, лишившиеся заработка и бизнеса [Шевляков 2016, с. 171].

Еще в период борьбы с Эндрю Мэллоном, которого люто ненавидел Рузвельт, президент опробовал инструмент натравливания налоговой полиции на бизнес для решения личных политических задач. То же самое Рузвельт делал перед выборами 1936 года. Видимо, он одним из первых стал активно использовать вопросы финансирования штатов в качестве инструмента подавления оппозиции. Хотя это делали и до него, но масштаб деятельности государства был явно недостаточным для этого.

¹⁴ В WPA была популярна песенка: «Поспи на работе, / Живи веселей, / Обопришь на лопату / И время убей» [Coode 1981, p. 276].

Теперь же огромные финансовые ресурсы позволяли Рузвельту следующее: давать деньги тем штатам, где поддерживали демократов, и не давать тем, где были за республиканцев. Быть против президента означало быть без денег. Это, конечно, далеко от принципа, который сформулировал Лев Троцкий: «В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает медленную голодную смерть. Старый принцип — кто не работает, то не ест — заменяется новым: кто не повинуется, тот не ест» (цит. по [Хайек 2005, с. 129]), но все же и честными выборами это нельзя назвать.

Такая политика оказалась крайне эффективной и была вновь задействована в 1940 году на выборах. На тот момент президент не был ограничен конституцией в сроках пребывания у власти, после смерти Рузвельта такая поправка была внесена в конституцию.

Конфликт с Верховным судом

После того как Верховный суд признал NRA неконституционной, Рузвельт задумался о реформе Верховного суда. По сути, Рузвельт стремился подчинить судебную власть себе. СМИ это называли «утрамбовыванием» Верховного суда. Так как судьи были довольно пожилыми людьми (и именно они являлись противниками новаций Рузвельта), то он начал давление на Верховный суд с тем, чтобы старые судьи были дополнены новыми и прогрессивными¹⁵. Ему это было действительно очень нужно, так как одиннадцать его законов аннулировал Верховный суд. В итоге в 1937–1938 годах после реформы ушли два консерватора, их заменили либералы — сторонники Нового курса [Мальков 2011, с. 86].

После 1937 года Верховный суд был сломлен: опасаясь потерять работу и деньги, судьи один за другим стали одобрять мероприятия Рузвельта, восстанавливая в новых формах проекты регулирования в стиле NRA. Именно тогда произошла «депрессия внутри депрессии» с новым обрушением промышленного производства и скачком безработицы до 19%.

9 мая 1939 года Генри Моргентау-мл., министр финансов, один из самых близких друзей и единомышленников Рузвельта, говорил перед соратниками по партии:

¹⁵ Правда, Конгресс эти реформы не поддержал, считая новые полномочия «диктаторскими».

«Мы попытались тратить деньги. Мы расходует больше, чем когда-либо, но это не работает. Меня волнует только одно, и если я ошибаюсь... пусть кто-нибудь другой займет мое место. Я хочу, чтобы наша страна процветала. Я хочу, чтобы у людей была работа. Я хочу, чтобы у людей было достаточно еды. Мы так и не выполнили своих обещаний... После восьми лет работы этой администрации я говорю, что в стране сейчас тот же уровень безработицы, с которого мы начинали... И огромный государственный долг в придачу!» [Фолсом 2012, с. 14].

Таким образом, в 1939 году все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929 году, что означает полный провал интервенционистских программ Нового курса Рузвельта. Он не вывел Америку из Великой депрессии, а продлил ее.

Многие сторонники Рузвельта признают неэффективность его программ, продолжая считать, что программы Нового курса способствовали созданию социальной политики. Если цели этих программ — рост благосостояния бедных и общий рост благосостояния, то Рузвельт также не смог их достичь. Одна из ключевых идей экономической теории: рост благосостояния бедных и общий рост благосостояния достигаются лучше за счет конкуренции, а не этатизма. Этот тезис был подтвержден опытом Нового курса.

Выход из кризиса

Кейнсианец Пол Кругман считает, что Вторая мировая война стала благом для экономики: «Великая депрессия в США прекратилась в результате массовой “программы” общественных работ, профинансированной государством, и имя этой “программы” — Вторая мировая война»¹⁶ [Krugman 2009, p. 74].

¹⁶ Кругман развивает свою мысль: «Как я часто люблю повторять — это [ситуация кризиса] тот случай, когда зло становится добром, а трезвость глупостью. Попытки сократить государственный долг и дефицит бюджета только усиливают экономический кризис. Я иногда шучу, говоря о том, что нам надо сымитировать угрозу со стороны инопланетян, чтобы заставить правительство мобилизовать людей на общественные работы, что приведет к оздоровлению экономики. Государственные расходы — это благо. Конечно, хочется, чтобы эти расходы были продуктивными, но и бесполезные расходы лучше, чем совсем ничего» [Krugman 2013].

Дмитрий Травин и Отар Маргания в своей книге «Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара», считая политику Рузвельта в 1930-е неэффективной, тем не менее пишут: «Именно в 40-е, а не в 30-е, под воздействием возросшего спроса на вооружение, обмундирование, продовольствие и медикаменты... экономика США действительно рванула вперед» [Травин, Маргания 2011, с. 441].

Если историки иногда ставят под вопрос эффективность Нового курса, то практически никто не сомневается в том, что Вторая мировая война вывела экономику из Великой депрессии.

Однако это не так. Например, безработица за это время хоть и сократилась за счет роста числа военнослужащих, тем не менее их общее количество оставалось на том же уровне. Роберт Хиггс в своей книге «Кризис и Левиафан» приводит таблицу, из которой следует, что численность безработных и военнослужащих была: в 1940-м — 8,6 млн человек, 1941-м — 7,4 млн человек, 1942-м — 6,6 млн человек, 1943-м — 10,1 млн человек, 1944-м — 12,2 млн человек, 1945-м — 13,1 млн человек. Снижение произошло только после войны: 1946-й — 5,3 млн человек, 1947-й — 3,9 млн человек, 1948-й — 3,7 млн человек [Хиггс 2010, с. 398].

Одновременно было введено распределение по талонам бензина, шин, кофе, молока, сыра, консервов, обуви, мяса, сахара, пишущих машинок. Такую ситуацию вряд ли можно назвать благосостоянием¹⁷.

Не следует забывать, что цены в условиях войны не являются рыночными, их устанавливает государство, так что и ВВП в условиях войны ничего нам не говорит. Хиггс пересчитал ВВП с учетом рыночных цен и получил снижение с 1941 по 1943 год на 14% [Хиггс 2010].

Послевоенный рост был вызван отменой программ Рузвельта, значительным понижением налоговой нагрузки, восстановлением международной торговли и стабилизацией денежного обращения. Значительные перемены начались и в идеологической сфере [Бёргин 2017]

Так, Конгресс резко сократил государственные расходы: с 44% от ВВП в 1944 году до 8,9% в 1947-м, что стало источником роста инвестиций, потребления и предпринимательской активности. Не оправдались

¹⁷ С. Кузнец, разработчик методики подсчета ВВП, писал: «По большому счету бессмысленно приравнивать защиту жизни от внешних врагов к экономически полезной активности, направленной на удовлетворение потребностей отдельного человека. В лучшем случае военные затраты можно считать вынужденным условием для полезной активности, но ни в коем случае не самой полезной активностью» [Kuznets 1945, p. IX].

кейнсианские страхи о том, что американская экономика в мирное время столкнется с массовой безработицей и эпидемией насилия, как полагал Мюрдаль [Myrdal 1944, p. 51], по иронии судьбы получивший Нобелевскую премию по экономике в тот же год, что и Ф. фон Хайек.

Уроки для современности

Какие уроки можно извлечь из Великой депрессии и Нового курса?

1. Великая депрессия началась как обычная фаза экономического цикла, вызванная кредитной экспансией ФРС, увеличившей денежную массу с 1921 по 1929 год на 62%¹⁸. Она бы закончилась, как и кризис 1921-го, за год, если бы не интервенционистская политика Гувера и Рузвельта.

2. Политика Гувера–Рузвельта не вывела экономику из кризиса, а продолжила его. В 1939 году все показатели состояния экономики были хуже, чем в 1929 году (безработица, промышленное производство, государственный долг). ВВП, по самым оптимистичным оценкам, вырос на 10% (по пессимистичным — снизился на 3%) [Согрин 2015, с. 139, 205], в то время как в «революционные двадцатые» ВВП вырос на 60%. То есть политика *Laissez Faire* дала как минимум в шесть раз лучший эффект, чем интервенционизм 1930-х. Рузвельт не смог решить проблему безработицы: в 1929 году она достигла 7,8%, а в 1939-м — 16,7% [Anderson 1949, p. 488]. Государственный долг вырос с 17 до 48 млрд долларов. Действие программ Рузвельта было крайне разрушительным для экономики, особенно NRA, WPA и AAA. Выход из кризиса произошел благодаря не Второй мировой войне, а сокращению доли государства после ее завершения.

3. Общество согласилось на политику централизации в период Великой депрессии, так как общественное мнение было подготовлено к этому интеллектуалами Прогрессивной эры. Они смогли убедить публику в том, что и в США пришла эпоха активной роли государства. Интеллектуалы подпитывали своим авторитетом разрушительные программы Нового курса. Глорификация образа Рузвельта — во многом результат альянса Большого государства и интеллектуалов.

¹⁸ Предложение денег на 30 июня 1921 года — 45,3 млрд долларов. В 1929 году предложение денег составило 73,3 млрд долларов. Оно выросло на 28 млрд долларов, или на 61,8%. Средний темп прироста предложения денег — 7,7% в год [Ротбард 2012, с. 162].

4. Для избежания новой Великой депрессии необходимо не только бороться с политикой этатизма, но и с общественным мнением, поддерживающим эту политику.

Современный итальянский экономист Э. Коломбатто [Коломбатто 2016, с. 147–164] выделяет три периода в истории Запада: Григорианские века (1075–1648), Секулярный период (1648–1914), Эпоха социальной ответственности (1914 — по наст. вр.). В современную эпоху «общественный договор» выглядит как обмен свободы на право поиска привилегий у государства. Хотя явно Коломбатто не упоминает гипотетического четвертого этапа, вся его схема намекает на то, что возможна «эпоха индивидуальной ответственности», когда решать экономические, социальные и этические проблемы можно будет без государства, но на основе индивидуальной ответственности; что такая эпоха является не только более прогрессивной, но и более эффективной и справедливой. Истинная задача интеллектуалов состоит в том, чтобы объяснить людям, что «государство не является средством решения наших проблем, оно само является проблемой».

В 1946 году известный американский режиссер Фрэнк Капра выпустил в свет кинокартину «Эта замечательная жизнь». С тех пор ее принято смотреть в США в рождественский сочельник. Фильм повествует о предпринимателе, доведенном до отчаяния и самоубийства местным «пауком», который всем заправляет и строит интриги, стремясь разорить предпринимателя за счет своей власти. Этот «паук» выглядит крайне характерно и напоминает одного очень известного персонажа: передвигается он на коляске, а на коленях у него всегда плед...

Однако у «паука» ничего не получается. Ангел показывает главному герою, чем бы был мир без него. Предприниматель решает, что может решить проблему, обратившись за помощью к жителям своего городка, а не искать спасения у «паука». Получив поддержку у людей, он понимает, кто в городе действительно важный человек.

Так завершилась эпоха Рузвельта и началась другая эпоха.

Приложение

Список федеральных программ Нового курса

AAA — Agricultural Adjustment Administration
AMA — Agricultural Marketing Administration
AOA — Administration of Operation Activities
BCD — Bituminous Coal Division
BEW — Board of Economic Warfare
BIR-T — Board of Investigation and Research-Transportation
BPA — Bonneville Power Administration
BWC — Board of War Communications
CAA — Civil Aeronautics Authority
CCC — Civilian Conservation Corps
CCC — Commodity Credit Corporation
CCS — Combined Chiefs of Staff
CEA — Commodity Exchange Administration
CES — Committee on Economic Security
CFB — Combined Food Board
CMB — Combined Munitions Board
CPA — Council of Personnel Administration
CPRB — Combined Production and Resources Board
CRMB — Combined Raw Materials Board
CSAB — Combined Shipping Adjustment Board
CWA — Civil Works Administration
DLC — Disaster Loan Corporation
DPC — Defense Plant Corporation
DSC — Defense Supplies Corporation
EHFA — Electric Home and Farm Authority
EIBW — Export-Import Bank of Washington
EPCA — Emergency Price Control Act
FCA — Farm Credit Administration
FCC — Federal Communications Commission
FCIC — Federal Crop Insurance Corporation
FDIC — Federal Deposit Insurance Corporation
FFC — Foreign Funds Control
FHA — Federal Housing Administration
FIC — Federal Insurance Corporation
FNMA — Federal National Mortgage Association
FPA — Food Production Administration

FPHA — Federal Public Housing Authority
FRC — Facilities Review Committee
FREB — Federal Real Estate Board
FSA — Farm Security Administration
FSA — Federal Securities Administration
FSCC — Federal Surplus Commodity Corporation
FWA — Federal Works Agency
HOLC — Home Owners Loan Corporation
LOPM — Liaison Office for Personnel Management
MRC — Metals Reserve Company
NHA — National Housing Authority
NHPC — National Historical Publications Commission
NIC — National Investors Council
NLRB — National Labor Relations Board
NMB — National Mediation Board
NPPC — National Power Policy Committee
NRA — National Recovery Administration
NRPB — National Resources Planning Board
NWLB — National War Labor Board
NYA — National Youth Administration
OBCCC — Office of Bituminous Coal Consumers Council
OC — Office of Censorship
OCD — Office of Civilian Defense
OCIAA — Office of Coordinator of Inter-American Affairs
ODHWS — Office of Defense and Health Welfare Services
ODT — Office of Defense Transportation
OEM — Office of Emergency Management
OES — Office of Economic Stabilization
OLLA — Office of Lend-Lease Administration
OPA — Office of Price Administration
OPCW — Office of Petroleum Coordinator for War
OSRD — Office of Scientific Research and Development
OWI — Office of War Information
PAW — Petroleum Administration for War
PCD — Petroleum Conservation Division
PIWC — Petroleum Industry War Council
PRA — Public Roads Administration
PRP — Production Requirements Plan
PRRA — Puerto Rico Reconstruction Administration

PWA — Public Works Administration
PWRCB — President's War Relief Control Board
RA — Resettlement Administration
RACC — Regional Agricultural Credit Corporation
REA — Rural Electrification Administration
RRB — Railroad Retirement Board
RRC — Rubber Reserve Company
SA — Sugar Agency
SCS — Soil Conservation Service
SEC — Securities and Exchange Commission
SMA — Surplus Marketing Administration
SSB — Social Security Board
SSS — Selective Service System
SWPC — Small War Plants Corporation
TVA — Tennessee Valley Authority
UNRRA — United Nations Relief & Rehabilitation Administration
USES — United States Employment Service
USHA — United States Housing Authority
USMC — United States Maritime Commission
WDC — War Damage Corporation
WEPL — War Emergency Pipe Lines, Inc.
WMC — War Manpower Commission
WPA — Works Progress Administration
WPB — War Production Board
WRA — War Relocation Authority
WSA — War Shipping Administration

Литература

- Аникин А. В.* История финансовых потрясений. М.: Олимп-бизнес, 2002.
- Арментано Д.* Антитраст против конкуренции. М.: ИРИСЭН, 2011.
- Бастиа Ф.* Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.
- Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль в XX веке. М.: Прогресс-Традиция, 2014.
- Бёргин Э.* Великая революция идей: возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль, 2017.
- Бьюкенен Дж.* Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997.
- Вирт М.* История торговых кризисов в Европе и Америке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012.
- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гэлбрейт Дж.* Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009.
- Далин С.* Экономическая политика Рузвельта. М.: СОЦЭКГИЗ, 1936.
- Джонсон П.* Современность: мир с 20-х по 90-е. М.: Анубис, 1995.
- Знаменский А.* Политика президента Рузвельта и миф о процветании США во время Второй мировой войны // КЛИО. 2015. № 6 (102).
- Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
- Коломбатто Э.* Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.
- Мальков В. Л.* Невыученный урок: Великая депрессия в прошлом и настоящем // Мировой экономический кризис 1920-х — начала 1930-х гг.: история и современность. М.: ИВИ РАН, 2009.
- Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: социальные движения и социальная политика. М.: Наука, 1973.
- Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Эксмо, 2011.
- Мизес Л.* Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012а.
- Мизес Л.* Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012б.
- Мизес Л.* Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012с.
- Момот М. В.* Демократия и ее последствия. М.: Территория будущего, 2013.
- Назар С.* Путь к великой цели. М.: АСТ, 2013.
- Олсон М.* Логика коллективных действий. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- Романчук Я.* Теория и практика провалов государства. Минск (издательство не указано): 2013.

Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2009.

Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.

Ротунда Р. Либерализм как слово и символ. М.; Челябинск: Социум, 2016.

Рузвельт: pro et contra, антология. СПб.: Издательство РХГА, 2015.

Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. М.: Алгоритм, 2012.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. М.: Альпина Паблишер, 2015.

Сапов Г., Кизилов В. Инфляция и ее последствия. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2006.

Севастьянов Г. Н., Языков Е. Ф., Попова Е. И. История США: В 4 т. Т. 3. М.: Наука, 1985.

Скоузен М. Кто предсказал Великую депрессию? // Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012.

Сломан Дж., Сатликофф М. Экономикс. СПб.: Питер, 2005.

Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.

Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.: Социум; Мысль, 2017.

Травин Д. Я, Маргания О. Л. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: Аст-Астрель, 2011.

Усанов П. В. Модернизация после модернизации: либеральные реформы в развитых странах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014а.

Усанов П. В. Что такое праксиология? // Капитализм и свобода. СПб.: Нестор-история, 2014б.

Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.

Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка? М.: Мысль, 2012.

Фридман М., Шварц А. Монетарная история США: 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007.

Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Челябинск: Социум, 2005.

Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Либеральная миссия, 2005.

Хайек Ф. Цены и производство. Челябинск: Социум, 2008.

Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

Хиггс Р. Кризис и Левиафан. М.: ИРИСЭН, 2010.

Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.: Социум, 2013.

Чернявский Г. И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012.

Шевляков М. В. Великая депрессия. Закономерность катастрофы, 1929–1942. М.: Пятый Рим, 2016.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: В 2 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.

Эйхенгрин Б. Зеркальная история: Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

Anderson B. Economics and Public Welfare: Fiscal and Economic History of United States, 1914–1946. NY: D. van Nostrand Company, 1949.

Badger A. The New Deal: The Depression Yers, 1933–1940. NY: Hill-Wang, 1989.

Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. NY: Yale University Press, 1948.

Cohen R. An Indelible Stain on FDR’s Legacy // Washington Post. 2013. March 12.

Commager H. S. Documents of American History. NY: Appleton-Century-Crofts, 1968.

Coode T. H., Bauman J. F. People, Poverty, and Politics: Pennsylvanians during the Great Depression. East Brunswick, N. J.: Associated University Presses, 1981.

Dorfman J. The Economic Mind in American Civilisation. NY.: Augustus M. Kelley Publisher. 1966.

Flynn J. Roosevelt Mith. NY: The Devin-Adaire Company, 1948.

Garrison R. Time and Money. London and NY: Routledge, 2001.

Henderson D. R. The US Postwar Miracle. NY: Mercatus Center, George Mason University Working Paper. November 2010.

Hoppe H.-H. Democracy — the God That Failed. L.: Transaction Publisher. 2001.

Johnson J. A History of the American People. NY: HarperCollins Publishers, 1997.

Krugman P. Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. NY: Norton, 2009.

Krugman P. Secular Stagnation, Coalmines, Bubbles, and Larry Summers. 2013. URL: http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/11/16/secular-s.-summers/?_r=0 (дата доступа 01.03.2017).

Kuznets S. National Product in Wartime. NY: National Bureau of Economic Research, 1945.

Leuchtenburg W. Franklin D. Roosevelt and the New Deal. NY: Harper & Row, 1963.

Myrdal G. Is American Business Deluding Itself? // Atlantic Monthly. 1944. November.

Poulson B. Economic History of the United States. NY: Macmillan Publishing Co., Inc., 1981.

Reed L. Great Myths about Great Depression. NY: Mackinac Center for Public Policy, 2008.

Robinson E. The Roosevelt Leadership 1933–1945. NY: J. B. Lippincott Company, 1955.

Skousen M. The Great Depression // Austrian Economics. Cheltenham: Edward Elgar, 1994.

Westbrook R. Tragic Deal // Reviews in American History. 2015.

Woods T. Meltdown. Washington: Regnery Publisher, 2009.

Павел Усанов

**Великая депрессия и Новый курс:
уроки для современности**

Препринт М-56/17

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 20.03.17
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

